

The background of the book cover is a collage of historical black and white photographs. The top left shows a group of men in military uniforms and fur hats. The top right shows the ornate interior of a grand building with a chandelier. The bottom left shows a large crowd of people, some on horseback. The bottom right shows a street scene with people and a building with onion domes in the distance.

Живая история

П. Е. Мельгунова-Степанова

Дневник

1914—1920

Живая история (Кучково поле)

Прасковья Мельгунова-Степанова
Дневник. 1914–1920

Издательство «Кучково поле»

2014

УДК 93/94
ББК 63.3

Мельгунова-Степанова П. Е.

Дневник. 1914–1920 / П. Е. Мельгунова-Степанова —
Издательство «Кучково поле», 2014 — (Живая история (Кучково
поле))

ISBN 978-5-9950-0463-9

Дневники П. Е. Мельгуновой-Степановой (1882–1974), супруги историка и издателя С. П. Мельгунова, охватывают период от 19 июля 1914 года до ее ареста в 1920 году и описывают положение в Москве и Петербурге времен революции, Мировой и Гражданской войн. Дневники представляют богатый источник сведений о повседневной жизни российских столиц того времени, как общественно-политической, так и частного круга семьи и знакомых Мельгуновых. Особый интерес представляют заметки о слухах и сплетнях, циркулировавших в обществе.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-9950-0463-9

© Мельгунова-Степанова П. Е., 2014
© Издательство «Кучково поле», 2014

Содержание

Предисловие	6
Тетрадь первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Прасковья Мельгунова-Степанова

Дневник. 1914–1920

Публикуется по рукописи: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 780. Л. 1–123; Д. 781. Л. 1–156

© Государственный архив РФ, 2014

© Лебедев В. Д., вступ. ст., коммент., именной указ., 2014

© ООО «Кучково поле», 2014

Предисловие

Историко-биографический очерк

В последнее десятилетие возрос общественный интерес к событиям отечественной истории, особенно к периоду начала XX века, что во многом связано с юбилеями, резко изменившими вектор исторического развития России. В первую очередь это 400-летие преодоления Смуты и воцарения династии Романовых, а также 100-летие начала Первой мировой войны. Огромное количество публикаций, презентаций, выставок, телевизионных передач и т. д. – все это вызывает большой резонанс как среди специалистов, так и всех интересующихся историей. Достаточно сказать, что в 2012 г. из 11 тысяч посетителей выставочного зала Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) 7,5 тысячи пришли на экспозицию документов и материалов, посвященных гибели царской семьи.

Это неслучайно. В современном обществе не утихают споры о выборе путей социально-экономического и политического развития России. Одни говорят о возвращении к авторитарным формам правления, другие – о либерализме как о единственно верном выходе из стоящих перед государством проблем. Изучение ошибок, допущенных политическими деятелями прошлого, равно как и их позитивный опыт в условиях дореволюционной России, важен для формирования основных мировоззренческих установок. В этом смысле большую ценность имеют публикации архивных документов, написанных очевидцами происходивших событий. К таковым относится ценный источник по истории России времен Первой мировой войны – дневники известной общественной деятельницы, редактора П. Е. Мельгуновой-Степановой (1881–1974).

Прасковья Евгеньевна Мельгунова-Степанова – яркая и интересная личность, много сделавшая для развития культуры России и русского зарубежья. Между тем сведений о ней немного. В архивах у нее нет личного фонда. Читатели могут найти о ней информацию только в редких специальных справочниках, а также на сайте Дома-музея им. Марины Цветаевой.¹ Удалось выявить следующие биографические данные.

Мельгунова-Степанова родилась в Москве. Училась на Высших женских курсах в Петербурге, была исключена за принадлежность к партии эсеров. Затем поступила на философский факультет Цюрихского университета. Вернувшись в Россию, преподавала в школе. В 1906 г. стала одним из руководителей партии народных социалистов. Неприятие террористических методов политической борьбы, практикуемых эсерами, стало основной причиной организации новой партии. Однако политическая деятельность занимала периферийное место в ее жизни. В партийных документах, как и в делопроизводстве Департамента полиции МВД, ее фамилия почти не упоминается, какого-либо отдельного архивного фонда о жизни и деятельности Мельгуновой-Степановой также нет. По-видимому, основной сферой ее деятельности стали публикации по истории России XVIII – начала XIX века.² Из текста публикуемых дневников видно, что в годы Первой мировой войны она работала в госпитале.

---

¹ нормировании продуктов питания для Советской России одно из средств уничтожения большевизма. В результате 14 мая советское руководство отвергло предложение Гувера – Нансена, реализация которого, как оно полагало, требовало одностороннего прекращения боевых действий со стороны Красной армии против белых. (Фоглессонг Д. С. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике, 1918–1920 // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 604–605).

² Россия и Наполеон. Отечественная война в мемуарах, документах и художественных произведениях. Илл. сб. М., 1912 (составитель, в соавторстве с Н. Л. Бродским, К. В. Сивковым, Н. П. Сидоровым); Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век (составитель, в соавторстве с К. В. Сивковым, Н. П. Сидоровым); Гарибальдийцы во время Франко-прусской войны, 1870–1871 // Голос минувшего. 1914. № 9.

Такие черты мировоззрения, как неприятие террора, стремление к объективному анализу событий, стали главной причиной отрицательного отношения Мельгуновой-Степановой к Октябрьскому перевороту. В годы Гражданской войны и большевистского террора она отправляла письма с ходатайствами об освобождении мужа из Бутырской тюрьмы. В тех случаях, когда это было сделать нельзя, речь шла хотя бы о возможности работать в библиотеках. Из этого видно, как Прасковья Евгеньевна поддерживала его стремление заниматься научно-исследовательской деятельностью. Приведем начало одного из таких писем, направленных историку Г. И. Чулкову: «Обращаюсь к Вам с большущей просьбой: не можете ли Вы переговорить с Луначарским о следующем: Сережа заканчивает большую работу по франц[узской] революции, для полного ее завершения ему нужно сделать много справок, гл[авным] обр[азом], в универ[ситетской] библиотеке по не выдаваемым книгам и в библиотеке Румянц[евского] и Историч[еского] музеев. Если бы Лунач[арский] дал частную записочку туда... что он считает очень желательным, если администрация тюрьмы не находит ничего против, отпускать С.».³ Кроме того, как свидетельствуют ее письма управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу, пыталась бороться за освобождение из-под ареста своих друзей и близких.⁴

В 1922 г. она вместе с мужем была выслана из России. Проживала в Германии и Франции, где преподавала русский и английский языки. В 1946 г. вместе с М. А. Иорданской основала Комитет помощи русским эмигрантам. Публиковалась в журнале «Борьба за Россию». Входила в ассоциацию Тургеневской библиотеки. После смерти супруга издала все его исторические труды, упорядочила его архив. В 1961 г. Мельгунова-Степанова продала архив в Лондонский университет (через посредство известного историка Л. Шапира). В 1968 г. она передала дополнительные материалы, что в итоге составило 243 блока.⁵ Большой заслугой Мельгуновой-Степановой стало издание воспоминаний и дневников ее супруга, которые были дополнены ее собственными записями.⁶ В 2003 г. они были переизданы Ю. Н. Емельяновым. Центральное место в этой публикации занимают воспоминания и дневники С. П. Мельгунова, записи самой Мельгуновой включены в приложение.

Таким образом, если жизнь и деятельность ее супруга, историка и издателя С. П. Мельгунова, изучали,⁷ то сама Мельгунова-Степанова современному читателю почти неизвестна.

Публикуемые дневники позволяют ознакомить читателей с личностью их автора, восполняя существенный пробел в исторической литературе. В то же время эти записи требуют тщательного источниковедческого анализа. Дневники являются частью коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов, находящихся в ГА РФ (Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 780, 781). Они записаны в две тетради. Первая включает записи, охватывающие период с 19 июля 1914 г. по 30 ноября 1917 г., вторая – с 1 декабря 1917 г. по 6 февраля 1920 г. Прежде всего, следует иметь в виду переломный характер эпохи, когда их писали, – это период Первой мировой войны и революции.

³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 371 (Чулков Г. И.). К. 4. Ед. хр. 18. Л. 1. На бланке кооперативного товарищества печатного и издательского дела «Задруга».

⁴ НИОР РГБ. Ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевич). К. 456. Ед. хр. 49. Л. 1–1 об.

⁵ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 19.

⁶ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 1–2. Ч. 1–3. Париж, 1964.

⁷ Заслуга в изучении личности С. П. Мельгунова принадлежит в основном профессору Ю. Н. Емельянову: Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и в эмиграции // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 109–116; *Он же*. Что мог знать С. П. Мельгунов о германском золоте // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 273–279; *Он же*. Биобиблиография трудов С. П. Мельгунова // История и историки. 2002: Историографический вестник. М., 2002. С. 194–222; История и историки. 2003: Историографический вестник. М., 2003. С. 340–355; и др. Взгляды Мельгунова нашли отражение и в литературе, посвященной получению финансовых средств большевистской партией: Следственное дело большевиков. Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г. / Ред. и отв. сост. о. К. Иванцова. М., 2012. Кн. 1. С. 14–15.

Война быстро и кардинально изменила размеренный уклад жизни миллионов людей, в том числе и автора дневника. Резко ускорившийся ход событий, в том числе в повседневной жизни отдельных лиц, первые потери друзей и близких – все эти обстоятельства вызвали у множества людей психологический стресс. Как метко заметил в 1915 г. русский философ И. А. Ильин, «война вторглась неожиданно в нашу жизнь и заставила нас гореть не о себе и работать не на себя. Она создала возможность взаимного понимания и доверия, она вызвала нас на щедрость и пробудила в нас даже доброту».⁸ Тем самым «война несет людям духовное испытание и духовный суд».⁹ В этом смысле не стала исключением и автор дневников. В силу таких серьезных социальных и психологических обстоятельств данный источник чрезвычайно информативен, содержит большое количество слухов и носит ярко выраженный эмоциональный характер. «Теперь все говорят и говорят», – отметила она в записи от 12 августа 1914 г.

На позицию Мельгуновой-Степановой оказывал влияние также муж, дневник которого содержит такую запись: «П. Е. ведет дневник более или менее систематично. Просил ее записывать факты. На всякий случай зарегистрирую со своей стороны кое-что».¹⁰ Сам он читал и карандашом дополнял ее записи (запись от 26–28 февраля 1917 г.). Значительную часть передаваемых от третьих лиц сведений следует сверять с другими источниками. Сама автор признавала, что окружающие ее люди «говорят гораздо больше, чем есть» (запись от 23 сентября 1917 г.).

Важно также отметить, что Мельгунова-Степанова принадлежала к оппозиционным кругам российского общества, хотя нет данных о ее личном участии в революционном движении или каких-либо оппозиционных акциях. По многим записям видно, что автор не принимает официального патриотизма, полагает, что патриотические настроения не свойственны широким слоям населения. Заметна и ее восприимчивость к информации, отрицательно характеризующей представителей высшей бюрократии и династии. Много приведено сведений и о социально-экономических трудностях военного времени. Такие оценки и суждения вызваны не только действительно переживаемыми страной кризисными явлениями, но и той социальной средой, в которой на протяжении десятилетий формировались мировоззренческие установки Мельгуновой-Степановой. Один из ее современников, видный историк профессор В. О. Ключевский, еще в 1902 г. заметил: «В настоящую минуту правительство и общество в России находятся между собой в отношении двух враждебных сторон, воюющих за власть».¹¹ Понимали это и представители правящих слоев. «Трон Романовых пал не под напором предтеч советов и юношей-бомбистов, – вспоминал великий князь Александр Михайлович, – но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами империи». И далее: «Описания противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции могли бы составить целый том, который следовало посвятить русским эмигрантам, оплакивающим ныне на улицах европейских городов “доброе старое время”».¹² Особенно внимательно следует, на наш взгляд, относиться к сведениям, поступающим в Москву с фронта. Как правило, данные о действиях военачальников, как и о положении на западном фронте получены через нескольких лиц, и автор дневников не имела возможности документально их проверить.

⁸ Ильин И. А. Духовный смысл войны // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914–1918 гг. М., 2014. Т. 3. С. 171, 172.

⁹ Там же. С. 175.

¹⁰ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 243.

¹¹ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 471. В. О. Ключевский преподавал С. П. Мельгунову историю в Московском университете. См. также: Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков: традиции и новации. М., 2003.

¹² Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2004. С. 190–191.

Вместе с тем не следует, на наш взгляд, впадать в крайность, оценивая всех оппозиционных деятелей исключительно как интеллектуально недалеких людей или карьеристов, желающих использовать ситуацию для захвата власти в стране. Многие факты, высказанные в годы войны, в том числе Мельгуновой-Степановой, – плохая организация работы тыловых служб, бюрократизм, формализм и взяточничество отдельных руководителей и пр. – действительно имели место. Тем более это признавали впоследствии и многие высокопоставленные лица, в частности великий князь Александр Михайлович и другие представители династии, участвовавшие в Первой мировой войне. Кроме того, немало деятелей культуры, представителей интеллигенции добровольно ушли на фронт (одних учителей-фронтовиков, согласно подсчетам профессора С. В. Тютюкина, было не менее 30 тысяч), тем самым доказав свой искренний патриотизм.¹³ Таким образом, публикуемый дневник весьма достоверно раскрывает психологическое состояние достаточно широкого круга лиц, представляющих московскую интеллигенцию в годы войны.

Особое значение они имеют для специалистов, занимающихся историей русской прессы. В дневниковых записях содержится богатый материал по изучению взаимоотношений журналистов и представителей правящей бюрократии, с одной стороны, а с другой – противоречия и разногласия среди представителей общества относительно быстро меняющихся военных и политических событий. Говоря о деятельности представителей прессы, важно иметь в виду, что с самого начала войны журналисты были вынуждены участвовать в политической контрпропаганде, или, как сейчас принято говорить, информационной войне, с их германскими и австрийскими коллегами. Одно из главных направлений их деятельности – публикации заявлений российских официальных лиц и собственных редакционных материалов, направленных на привлечение симпатий населения западных окраин Российской империи к русской армии и разжигание ненависти к врагу. Это касалось как будущего политического устройства в отношении Польши, Прибалтики и Финляндии, так и сюжетов о карательных акциях германской армии против мирного населения на оккупированной территории. Следует отметить, что требования главного редактора газеты «Русских ведомостей», с которой сотрудничала П. Е. Мельгунова-Степанова, к корреспондентам были четкие и ясные. Вот как он инструктировал командированного в г. Варшаву В. Я. Брюсова (письмо от 7 сентября 1914 г.): «Сообщения о военных действиях со слов третьих лиц желательно давать только в исключительных случаях, так как мы получаем здесь довольно подробные сведения со слов раненых. Общих вопросов польской жизни желательно касаться от времени до времени. Но необходимо освещать их разносторонне, не ограничиваясь только русско-польскими отношениями... Ваши корреспонденции вызвали очень большое неудовольствие в среде евреев, которые упрекают Вас и нас в замалчивании польско-еврейских отношений. Было бы полезно осветить эту сторону жизни Польши, но это нужно делать очень осторожно, чтобы не нарушить требования цензуры».¹⁴ Работа фронтовых корреспондентов оплачивалась очень хорошо. Как показывают отчеты, они получали самую высокую зарплату в редакции (200 рублей).¹⁵

Вероятно, зная это, Мельгунова весьма подробно пишет о новостях с фронта, ссылаясь часто на данные, полученные в редакции именно «Русских ведомостей». Хотя история прессы в годы Первой мировой войны интересовала историков, тем не менее, проблема еще полностью не изучена и занимает периферийное место в историографии.¹⁶ Публикация дневников позволит расширить представления по данной теме.

¹³ Мировые войны XX века: Исторический очерк. 2-е изд. М., 2005. С. 364.

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 386 (В. Я. Брюсов). К. 94. Ед. хр. 10. Л. 3 об.; см. также: К. 81. Ед. хр. 38. Л. 1–2. Вопросы освещения в прессе хода войны определяло утвержденное Высочайшим приказом № 437 Временное положение о военной цензуре (ГА РФ. Ф. 6230. Оп. 1. Д. 16. Л. 157 об.–164).

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 251 (В. А. Розенберг). К. 27. Ед. хр. 16. Л. 1.

¹⁶ Пархоменко В. А. Начало Первой мировой в Европе. Отношение воюющих сторон к населению и военнопленным на

Много внимания в дневниках уделено росту патриотических настроений не только среди представителей бюрократии, но и в обществе. Автор весьма проникательно отмечает рост шовинизма, который постепенно стал подменять подлинный патриотизм. Несмотря на то что в литературе подобные явления часто связывают с ухудшением ситуации на фронте в 1915 г., дневниковые записи фиксируют шовинистические эксцессы в Москве уже с самого начала войны. Это также подтверждают сведения из других архивных документов.¹⁷

Кроме того, Мельгунова-Степанова отмечает большую роль общественных организаций, особенно Всероссийского земского союза, в деле помощи больным и раненым воинам. В историографии этот вопрос уже изучен.¹⁸ Однако большинство специалистов изучало его либо в контексте истории изучения предпосылок Февральской революции, либо истории Первой мировой войны. При этом не всегда была ясна роль этой организации в системе тылового обеспечения российской армии, порядок ее финансирования и др. Публикуемые дневники восполняют этот пробел.

Автор дневников подробно излагает противоречивый характер взаимоотношений этих организаций с представителями государственных учреждений. «Формалистика заела – лазарет у Шуберта готов, подали заявление, прислали врача, а раненых по их закону через три дня!»,¹⁹ – пишет Мельгунова-Степанова 27 августа 1914 г. Столь же негативно она подчас характеризует деятельность Всероссийского земского союза и ее руководителя, князя Г. Е. Львова. Так, 15 сентября 1914 г. имеется запись: «А когда С. через Полнера обратился к Львову, чтобы Земский союз дал перевязочный материал, то в ответ получил: “Да, мы дадим, но должны раньше запросить военное ведомство”, – т. е. тех самых, которые три недели ничего не давали. Удивительный бюрократизм!»²⁰ Иронизирует она и над поведением князя при встречах с императором.

В общественно-политических условиях 1914 г. иной линии поведения у руководителя Всероссийского земского союза не было. Об этом автор дневников не могла знать. Князь Львов был известен в Департаменте полиции своим «крайне либеральным направлением с начала 1900-х годов, причем его вредная деятельность ярко проявилась в 1905 г.».²¹ Принимая во внимание, что организация почти на 90 % финансировалась казной, ее руководитель был вынужден не только прекратить в том году оппозиционную деятельность, но и отчитываться перед монархом.²² Снова стать одним из лидеров оппозиции он смог только год спустя, когда начался политический кризис.

Не менее интересны и записи, относящиеся к периоду Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны. Они существенно расширяют и дополняют представления по этому весьма драматическому периоду отечественной истории. Особенно интересны сведения о межпартийной борьбе за власть в Москве после Февральской революции. Подняты и такие сложные сюжеты, как финансирование германскими властями большевистской партии. Последняя проблема до сих пор вызывает дискуссии в историографии. Для специалистов, интересующихся социально-экономической историей, представляют интерес и данные Мельгуновой о ценах на продукты питания в Москве, порядке ценообразования за квартплату и пр.

Восточном фронте // Исторический вестник. 2014. Т. 8 [155]. С. 124–147.

¹⁷ См., например: Телеграмма генерала Н. Н. Янушкевича на имя Свиты Его Величества генерал-майору князю А. А. Орлову с текстом телеграммы великого князя Николая Николаевича о мерах против подданных воюющих с Россией государств, 6 октября 1914 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 569. Л. 1.

¹⁸ Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2003; Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 1. С. 128–129; и др.

¹⁹ См. настоящее издание, с. 48.

²⁰ См. настоящее издание, с. 54.

²¹ ГА РФ. Ф. 102, 1912 г. Д. 20, ч. 83. Л. 10–10 об.

²² ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 446. Л. 1–4; Д. 447, т. 1. Л. 6 об.

Таким образом, дневниковые записи, охватывая сравнительно небольшой период отечественной истории, раскрывают различные явления и события многогранно. В силу этих обстоятельств, думается, они представляют интерес для широкого круга специалистов.

* * *

Научно-справочный аппарат издания включает введение, научные комментарии и текстуальные примечания, аннотированный именной указатель. Предисловие состоит из двух частей: историко-биографического очерка и археографического предисловия. Комментированию подлежали, главным образом, упоминаемые в дневниках организации, а также события, особенно если они требовали уточнения или источниковедческого анализа. При комментировании учитывается и то обстоятельство, что к некоторым событиям или явлениям общественной жизни автор снова возвращается. В таких случаях есть система перекрестных ссылок. Даты приведены по старому стилю, для событий международного характера в скобках указаны старый и новый стиль, при комментировании записей, сделанных после февраля 1918 г. указан также в скобках новый стиль.

Часть текстуальных примечаний сделала сама Мельгунова-Степанова. Они публикуются без каких-либо оговорок. Если примечания сделаны редактором, то после них в скобках следует запись: «примеч. ред.». В текстуальных примечаниях редактором отмечены случаи правки карандашом (они, как отмечалось выше, сделаны С. П. Мельгуновым).

Автор дневников, опытный редактор, делала записи почти без ошибок, аккуратным ровным почерком. В тех случаях, когда она исправляла слова или часть слова, в подстрочных примечаниях курсивом исправления отмечены и оговорены. На полях тетради она указывала только даты, которые подчеркнуты. В публикации они расположены справа над текстом и также выделены курсивом. Кроме того, курсивом выделены все подчеркивания в подлиннике текста. Какие-либо другие пометы на полях отсутствуют. Публикуемый текст дневников сверен с оригиналом и публикуется согласно правилам современного правописания, стилистические особенности сохранены. Сокращения раскрываются в квадратных скобках, за исключением единиц счета: времени, веса, денежных единиц и др. Если точно нельзя раскрыть сокращение, то редактор его оставил без изменений. К таковым относится, например, часто встречающееся сокращение имени Мельгунова «С.». Есть вероятность, что это «Сережа» (так Мельгунова-Степанова его обычно называла, как это видно из ее писем друзьям). Однако нельзя быть полностью уверенным, что это не «Сергей», особенно в тех случаях, когда приведены какие-либо данные о контактах с коллегами или знакомыми. Поэтому в данном случае сокращение осталось без изменений. Очевидные опечатки (крайне редко встречающиеся) исправлены и не оговариваются в текстуальных примечаниях.

В. Д. Лебедев

Тетрадь первая 19 июля 1914–30 ноября 1917

19 июля 1914 года

Объявлена война Германией России. Мобилизация началась дня за два. Сбор лошадей и людей. Ездил сегодня Поляков²³ – говорит, много бестолочи. Три дня таскали, никто ничего не знал. Измучились. Эпизоды: 1) с лошадыю, не давшей смотреть зубы, – старуха, уводя ее: «пойдем, батюшка»; 2) добровольцу, желавшему пожертвовать лошадь: «комиссия подарков не принимает», он: «отдаю за 20 руб.», они: «берем за 50 руб.», так за 50 р. и взяли. Лошадь 3000 руб. стоила. В деревнях плач, подъема нет.

21 июля

Поехали из деревни в Москву. Из Можайска поезд д[олжен] б[ыл] отходить в 6 ч. утра, а ждать пришлось до 12 ч. дня. Поезд пришел битком набитый последними из-за границы; пришлось стоять в проходе. Встретили Ледницкого А. Р., целую неделю едет из *Киссингена*. Колю²⁴ взяли в солдаты, он подавлен, но бодрится.

Баба в деревне говорила, что война из-за того, что сербы убили у австрийцев «царенка», те и говорят: «где хотите берите, а царенка подавайте».²⁵

Здесь (в Москве) пообедали в «Праге». Кто-то потребовал гимн (три раза), потом – «Марсельезу», английский гимн, наконец, сербский.

Н. В. Синюшин²⁶ говорит: «все д[олжны] служить, никаких протекций», – мы просили за Колю.

Слухов масса.

Главкомандующий великий князь Николай Николаевич, говорят, груб.²⁷ На поезде²⁸ слышала разговор офицеров, рассказывавших про маневры, когда в темноте, в кустах кто-то схватил Николая Николаевича за ногу (означает взятие в плен), он так заорал: «пошли прочь, сукины дети», что все «враги» рассыпались.

---

²³ Мы жили летом 1914 г. под Можайском, снимали дачу в лесу – южный хутор. Рядом б[ыл] хутор Полякова.

²⁴ Его племянника.

²⁵ Речь идет об убийстве австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги герцогини, Софии Гогенберг, сербским националистом Гаврилой Принципом. Убийство стало поводом к началу Первой мировой войны.

²⁶ Хирург.

²⁷ Великий князь Николай Николаевич (Младший) остался в памяти почти всех современников как строгий военачальник. Между тем есть большая разница во мнениях между теми офицерами, которые служили под его руководством, и политическими и общественными деятелями, пытавшимися представить эту строгость как грубость и непозволительное нарушение устава (см., например: *Шульгин В. В.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 272). Так, великий князь Александр Михайлович писал: «Мой двоюродный брат Николаша был превосходным офицером. Не было равного ему в искусстве поддерживать строевую дисциплину, обучать солдат и готовить военные смотры» (*Великий князь Александр Михайлович*. Воспоминания. М., 2004. С. 139). Сходных взглядов придерживался генерал А. С. Лукомский (*Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 333). Император Николай II также одобрительно отзывался о деятельности великого князя, о чем свидетельствуют его письма великому князю. В частности, в письме от 2 октября 1916 г. монарх и главнокомандующий отметил: «Очень рад, что вопрос о привлечении мусульманского населения к тыловым работам разрешен благополучно... Дай Бог тебе и кавказской армии дальнейших славных успехов» (*Князь Николай Романов*. Мы не можем вернуться в прошлое // *Наша газета* (Женева). 2012. 5 дек.).

²⁸ Так в тексте. (Примеч. ред.)

22 июля

Москва имеет странный вид: на Тверском бульваре стоят взятые в мобилизацию телеги под конвоем; на Патриарших прудах – артиллерийский обоз; всюду солдаты или запасные, которых толпами гонят; видела сегодня на Покровке запасных, загоняемых в IV мужскую гимназию. Коля стоит со своим полком в семинарии на Сенной площади; здания занимают почти силой (Сандстрем²⁹ говорил о фабрике Кувшинова³⁰ – там сказали, что силой возьмут освободившееся помещение под военные нужды, если добром не пустят). Л. П. Гендрикова³¹ в субботу 19-го ехала из Петербурга с последним шедшим по расписанию поездом; толпа осаждала, как и на нашей дороге. Один жилец нашего дома приехал на крыше вагона. В Германии великий князь Константин Константинович взят в плен,³² у нас ярость за это обратилась на немецких запасных, которых выгоняют из Москвы.

24 июля

Вчера б[ыло] одно сплошное мученье: утром после прописки С. вызвали в участок и передали призывную квитанцию на 26-е, т. к. им ничего не сообщено о его освобождении.³³ Он поехал к воинскому начальнику (в Крутиц[кие] казармы), там толпа, и добился только, что должен явиться вечером в 6 ч. Вечером поехали вместе. Переулок перед казармами перетянут канатами от извозчиков, дальше запертая решетка от людей, городской не пускает. Почему-то потом сразу всех пустил. Там бестолочь невероятная: огромный двор, на котором легко можно было бы давать все справки без толкучки, а они выдаются в крохотной комнатке, которую осаждает толпа. Женщины тут же записываются для пособий. Никто ничего не может добиться. Здесь нет того приподнятого настроения, о росте которого говорил Тихон Иванович³⁴ (если оно есть, то в других кругах – у кадетов³⁵ и т. д.), здесь просто горе и горе. Только два маленьких «добровольца» (13–14 лет) вопили с гордостью, но и они ничего не добились – «придем завтра»; еще группа добровольцев – 5–6 человек (17–18 лет), их пристав отослал до «после 28-го,

²⁹ Виктор Петрович – один из основателей «Задруги», многолетний заведующий «Содружеством школ» – кн[ижным] магазином.

³⁰ Писчебумажное торгово-промышленное товарищество М. Г. Кувшинова – одно из старейших предприятий Москвы, основано в 1799 г. в виде единоличной фирмы по торговле писчебумажными и канцелярскими товарами. В 1850 г. на средства фирмы построили фабрику в Тверской губернии. В 1882 г. предприятие преобразовано в паевое товарищество. Организация поставляла, в частности, продукцию для газеты «Русские ведомости», где работал С. П. Мельгунов (Отчет по изданию «Русских ведомостей» за 1913 год, приложение 46 // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 251 (В. А. Розенберг). К. 27. Ед. хр. 15 Л. 7).

³¹ Графиня Л. П. Гендрикова, наша давнишняя приятельница.

³² Война застала великого князя и его семью в Германии, где они отдыхали. В плену он не был, им предоставили возможность вернуться в Россию.

³³ При учебных сборах он был освобожден совсем по слабости здоровья и получил белый билет.

³⁴ Т. И. Полнер – известный земский деятель.

³⁵ Конституционно-демократическая партия народной свободы (сокращенное название: кадеты) появилась в 1906 г. и представляла собой левое крыло российского либерализма. Кадеты выступали за реформирование всей политической системы: разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, введение всеобщих прямых выборов парламента и пр. Председатели ЦК кадетов: князь П. Д. Долгоруков (1906–1909), И. И. Петрункевич (1909–1915), П. Н. Милюков (с 1915 г.). Руководители партии использовали парламентские формы политической борьбы. С началом Первой мировой войны кадеты отказались от оппозиционной деятельности – 22 июля в главном печатном органе партии, газете «Речь», была опубликована статья с призывом «отложить внутренние споры», когда «внешний враг стоит у ворот». (Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 216). Милюков вспоминал: «С точки зрения реалистической, нашей ближайшей задачей было объяснить навязанную нам войну, ее происхождение, ее достижимые последствия. На этом общем понимании смысла войны, ее значения для России, ее связи с русскими интересами предстояло объединить русское общество». Цит. по: Первая мировая война. 2-е изд. М., 2005. Кн. 2. С. 245.

когда кончится призыв; кто-то полуиронически приветствует их «браво», но никто не обратил на это внимание. В. И. Пичета³⁶ там ничего не добился. С. пробрался, наконец, внутрь и через два часа добился бумаги, хотя ее на руки и не дали. Отлегло от сердца, а то очень плохо было. Писарь получил 10 руб. за то, что показал Сереже бумаги о том, он же отобрал у С. квитанцию.

Слухи и слухи, а сведений нет, в газетах о русских ничего не пишут. Князь Г. Евг. Львов говорил, что вырублен Петергоф и леса, кругом Петербурга строят укрепления. Главный штаб в субботу переезжает в Москву. Говорят, царь велел повесить графиню Клейнмихель за шпионство. Царя везут в Москву. Говорят, что в Петербурге все за взятки приписались к штабу, а потом их разом отправили в армию.³⁷ Взяточничество развито вовсю.

Всю последнюю неделю перед войной хлеб везли из России в Германию – немцы скупали, а говорят, там голод. В Австрии, в Вене, говорят, вывешены плакаты о полной анархии в России, об убийстве «полковника» (Николай II), неудаче мобилизации и т. д.³⁸ Говорят, мобилизация в Пензе и Тамбове вызвала беспорядки. Говорят, что в Польше восстание.³⁹ Многие говорят, К[онстантина] К[онстантиновича] вел[икого] кн[язя] выпустили, но Кассо сидит там.

Совсем нет ваты и марли. Было в Москве 35 пудов – все уже скуплены Красным Крестом⁴⁰ и Общеземской организацией.⁴¹ Марли почти нет. Носилок нет, а между тем Москва считается первым эвакуационным пунктом после боевой линии. Только в Москве допустил пока вел[икий] кн[язь] Ник[олай] Ник[олаевич] общественную помощь раненым, а в армии решили все отдать военным лазаретам. Все уверены, что, когда дело начнется, он переменит решение и пустит Общеземскую организацию, которая объединится с городской и губернской м.⁴² (вероятно, 30-го). Тихона Ивановича⁴³ прочат в начальники эвакуации в Москве. Он уже принялся за работу, но ничего нельзя достать. Говорят, что пошлют за всем в Америку и Японию, а в Швецию уже послали.

Вчера в банке «Юнкера»⁴⁴ толпа народа, все всё берут, даже 25 руб. не согласны оставить для сохранения книжки.

³⁶ Историк.

³⁷ Все упомянутые в этой записи слухи являются недостоверными.

³⁸ Агитационные плакаты, в том числе германские и австрийские, см.: Первая мировая война. Кн. 2 (вклейка).

³⁹ Восстания в Польше не было. Редкие беспорядки, которые были зарегистрированы в 49 губерниях, не носили антивоенного характера. На сборные пункты явились 90 % всех подлежащих призыву. См.: Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 1. С. 127–128.

⁴⁰ В 1867 г. возникло Общество попечения о раненых и больных воинах, которое с 1879 г. стало называться Российским обществом Красного Креста. После 1917 г. существовало и в других странах как общественная организация русских эмигрантов. О его деятельности в годы Первой мировой войны см.: Война и общество в XX веке. Кн. 1. С. 129.

⁴¹ Имеется в виду Всероссийский земский союз. Организация была образована по решению съезда представителей земств, созванного 30 июля 1914 г. по инициативе Московской земской управы. В него вошли представители 41 губернского земства. Главноуполномоченным союза стал князь Г. Е. Львов. Кроме того, 21–22 августа был создан Всероссийский городской союз во главе с московским городским головой М. В. Челноковым. Затем, 10 июля 1915 г., обе организации объединились. См.: Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2003. С. 34–36; Война и общество в XX веке. Кн. 1. С. 129; Всеподданнейший доклад главноуполномоченного Всероссийского земского союза князя Г. Е. Львова, 26 марта 1915 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 446. Л. 1–4.

⁴² Так в тексте. (Примеч. ред.)

⁴³ Полнер.

⁴⁴ Юнкер И. В. и К^о – акционерный коммерческий банк (с 1916 г. – Московский промышленный банк). Учрежден в 1912 г. в результате преобразования банкирского дома «И. В. Юнкер и К^о» (основан в 1819 г.) путем слиянии с Псковским коммерческим банком (обе организации принадлежали лицам немецкого происхождения). Основной капитал – 10 млн руб., к 1914–20 млн. Правление – в Москве. Ведущую роль в руководстве заняли представители бывшего банкирского дома: В. А. Леман (председатель правления), Ф. Ф. Юнкер, Б. Ф. Юнкер, В. Г. Винтерфельд, А. А. Бокельман. Основные финансовые операции проходили в Москве и Петербурге. В составе финансовых групп участвовал в эмиссионных операциях, имел вложения в акции важных промышленных и страховых компаний: Московского страхового от огня общества, Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества, Трехгорного пивоваренного товарищества в Москве и др. Имел агента в Лондоне, где кредитовал закупку сырья для российских текстильных предприятий, выступая партнером английских фирм. В 1914 г. из-за кампании против «немецкого засилья» банк был продан Д. Л. Рубинштейну. С 1916 г. владельцем контрольного пакета акций банка и председатель его Совета – Н. А. Второв, директор правления – Б. Н. Второв.

Из Риги (с Рижского побережья) Н. М. Иорданский⁴⁵ приехал со страшным трудом – 300 руб. ему стоила дорога, а весь багаж остался в Риге.

Сегодня приехала тетя Лиза,⁴⁶ вызванная управой телеграммой – оказывается, для помещения в школе войск, и тут же узнала, что в ее школе это признано невозможным.

Тихон Иванович говорит, что по 500 человек записываются работать в Об[ще]Зем[ской] орг[анизации], что во многих домах уже работают. Чили (тетя Лиза) ехала в поезде, везшем выселяемых с границы и из Польши жен и детей служащих там. Поезд был битком набит. С границы едут семь дней. Из Польши пять. Из Риги едут на крышах вагонов. Чили получила от Машуси письмо от 1-го из Цюриха, а я после открытку, которая пришла 19-го – ничего. Хотя из ее письма узнала кое-что. Мы с С. тоже решили пристегнуться к какой-нибудь работе в О[бще-]З[емской] О[рганизации], когда у них все устроится. Хорош Синюшин со своим шовинизмом – оказывается, он живет в Благовещенске – ему хорошо. Nicolas⁴⁷ у Ани⁴⁸ говорил: «шапками закидаем». Жена Губского⁴⁹ неизвестно где – была в Германии. Расстрел Либкнехта произвел ужасное впечатление.⁵⁰

Кое-что начинает дорожать. В Москву начинают съезжаться. Коля, очевидно, завтра выступает, *п[отому] ч[то]* у них утром в 7 часов назначен молебен (обычно перед выступлением), они все на ночь разбежались по домам; но куда пошлют – неизвестно. У Марьи взяли двух племянников из «Задруги»⁵¹ – и Павла, и Андрея. Абрам (д[окто]р Залманов) говорит, что м[ожет] из штаба получить последние сведения. «Русские Ведомости»⁵² согласны печатать прибавление, если гарантируется верность – у него там друг, якобы – посмотрим.

26 июля

Вчера заходили к Тугариновым, простились с Леней (уходит на войну). Упорные слухи о том, что бывший петербургский градоначальник Драчевский расстрелян за шпионство, а графиня Клейнмихель – повешена; говорят, она в своем салоне собирала всех, поила, кормила и платила за сведения.⁵³ Вечером поехали к Шуберт. Дорогой встретили на Тверской манифестацию: идет толпа, впереди офицер верхом, за ним несут флаги, что-то поют, идут от Страстного монастыря к памятнику Скобелева.⁵⁴ У Шуберт узнали, что Михаил Михайлович Шуберт проскочил в Стокгольм, но как – пока неизвестно. Александр Михайлович Шуберт говорит, что у них в штабном обозе страшная неразбериха, да уже довольно того, что его посылают по лавочкам покупать овес и солому – даже доставка не организована. Чили вызвала из деревни телеграммой управа – хотят в школах размещать войска, но сейчас же признали, что к ней нельзя. Самое интересное сегодня: говорила по телефону с Ел. Ал. Никитиной, которая вчера

⁴⁵ Сотрудник «Русских ведомостей».

⁴⁶ Елизавета Петровна Сидорова, городская учительница, заведующая Худож[ественной] шк[олой].

⁴⁷ Николай Евграф[ович] Осипов – психиатр.

⁴⁸ Ан[на] Мих[айловна] Шуберт.

⁴⁹ Сотрудника «Рус[ских] вед[омостей]».

⁵⁰ Слухи о расстреле Карла Либкнехта не соответствовали действительности.

⁵¹ «Задруга» – первое кооперативное издательство в России, созданное в 1911 г. по инициативе супруга Мельгуновой-Степановой – историка С. П. Мельгунова. Выпустило более 500 книг. Издавало журнал «Голос минувшего» (1913–1923). Издательство прекратило работу в 1922 г. (Емельянов Ю. Н. Биобиблиография трудов С. П. Мельгунова // История и историки. 2002: Историографический вестник. М., 2002. С. 194).

⁵² «Русские ведомости» – одна из крупнейших российских газет, 1863–1918. Орган либеральной интеллигенции.

⁵³ Сведения о преследовании и казни графини М. Э. Клейнмихель, как и градоначальника, являются вымыслом. По мнению графини, их распространял брат председателя Государственной думы, Б. В. Родзянко. «Данные» о ее шпионаже основаны лишь на том, что накануне войны в ее особняке проходили балы с участием иностранных дипломатов.

⁵⁴ Памятник герою Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генералу от инфантерии М. Д. Скобелеву открыли 24 июня 1912 г. Уничтожен 1 мая 1918 г. На его месте был возведен памятник князю Юрию Долгорукому.

вернулась из-за границы. От Парижа до Петербурга ехала 8 дней, причем из Калиша выехали за час до объявления войны. В Берлине на вокзале б[ыло] спокойно, и носильщик уговаривал ее и ее спутницу остаться. Они решили, но, когда вышли на улицу, вдруг видят, едет Вильгельм и кронпринц и др., толпа кричит: «hoch».⁵⁵ Они спросили носильщика, что это, он говорит, что Берлин объявлен на осадном положении и Вильгельм едет держать речь войскам. На улицах народ галдит, кричат и поют.⁵⁶ Они пошли к русскому посольству, там окна заколочены, флаг снят. Решили окончательно ехать, но беспрепятственно поели в ресторане. В Скальмержицах (на границе) им предложили идти пешком до Калиша – шесть верст, и они, бросив багаж, пошли, а уже пассажирам следующего поезда немецкий офицер с часами в руках заявил, что дает им три минуты на переход русской границы (1–1,5 версты от станции), т[ак] ч[то] они, бросив все, пустились бегом. В Калише оказалось, что выселяется весь город, и пассажирам объявили, что их не возьмут, а бросят на произвол судьбы. Они еле добились, чтобы их пустили в вагоны, просидев в Калише четыре часа. В восьми вагонах было 2000 чел[овек], причем местные жители везли весь скarb. Уже от Калиша до Петербурга они всю дорогу стояли. В Варшаве та же история: на поезд не пускают проезжающих, а только местных жителей. Денег *русских* ни в Калише, ни в Варшаве не берут, а немецкие охотно. Паника в обоих местах страшная. Ужас перед немцами и уверенность, что они все возьмут.⁵⁷ Над Ел. Ал. и ее спутницей сжалился какой-то офицер и взял их с собой, купил им билеты, т. к. ее франков там не брали. Он же посоветовал ехать в Петербург, предупредив, что в Бресте, как крепости, с ними не постесняются и задержат. Все ехали до Петербурга стоя, голодными. Из Петербурга тоже трудно выбраться в Москву – по два дня ждут очереди, чтобы взять билет. В Париже ей не соглашались в банке менять 500 фр. билет, и только за 10 фр., наконец, разменял служитель. Результат такого переезда – отеки ног сильнейшие – ей придется несколько дней лежать ноги вверх с компрессами.

В Париже говорили о войне, но немцы по дороге в Берлин утверждали, что это французы выдумывают, что ничего не будет. Она восхищалась, говорит, их выдержке: «в этом их сила» – ее слова. В Варшаве генерал Жилинский (один из командующих 3-й армии; другие – Иванов, которого очень хвалят, особенно его начальника штаба Алексеева, и Ренненкампф – пьяница и храбрец, но и все, как и Жилинский) велел расстрелять двух человек, отказавшихся взять русские деньги, а Ел. Ал. за билет пришлось там заплатить 3 рубля, п[отому] ч[то] не давали сдачи, говоря: «нет».

27 июля

Сегодня утром ходила на главный почтамт и телеграф. Спрашивала и там, и там, идут ли письма и телеграммы в Швейцарию. На почте сказали, что посылают через Швецию, но что масса жалоб на неполучение ответов, а на телеграфе сказали, что посылают без гарантии доставки, посылают в Петербург, а дальше не знают, как идет; не советуют посылать срочные, все равно долго пойдут. В газетах трогательное единение к. д.⁵⁸ с Союзом русского народа⁵⁹

⁵⁵ «Ура!» (нем.) (Примеч. ред.)

⁵⁶ О милитаристских настроениях в Германии и их причинах подробнее см.: Райнер Б. Немецкий менталитет и происхождение двух мировых войн // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 504–515; Война и общество в XX веке. Кн. 1. С. 400–414.

⁵⁷ В газете «Русские ведомости» опубликовали статью об ужасах германской оккупации польского города Калиш (1914. 7 авг. С. 2).

⁵⁸ Кадетов. (Примеч. ред.)

⁵⁹ Союз русского народа – одна из ведущих правых партий, 1905–1917. Имела свыше 500 отделений в российских городах. Программа предусматривала улучшение жизни трудящихся, сохранение монархического принципа управления страной. Руководители: А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков. Отношение Маркова к Первой мировой войне было созвучно с позицией оппозиционной партии кадетов, о чем свидетельствуют выступления их лидеров 26 июля 1914 г. в Государствен-

(Марков 2-й и Милуков и т. д.) – мерзость, которой нет пределов. А речь полковника (Николая II) вся состоит в том, что ему ниспослано испытание.⁶⁰

Вчера уехал Леня в Воронежскую губернию к ратникам ополчения.

Ужасное впечатление произвел расстрел Либкнехта.⁶¹ О Драчевском гов. все, говорят, что у него нашли массу прокламаций с призывом к забастовке в Петербурге, то же и в немецком посольстве якобы! Говорят, что граф Клейнмихель схвачен на вокзале в момент отправки сведений.⁶²

Гимназии заняты солдатами, говорят, не будет ученья.

Бороздин рассказывал Вишнякову, что Кассо порядком побили немцы, когда он, чтобы выехать (из Германии) заявил, что он министр. Бороздину это передавал сам попечитель округа. Вишняков говорил, что мобилизация в Орехове-Зуеве проходит спокойно, с сознанием дела, и что запасные идут спокойно; со знанием дела, он видит у них сочувствие к «братьям-славянам», а С. видит нелюбовь к «немцу» на экономической почве (наша Ольга и др.), думают, что он здесь наживается и ходу русским не дает совсем. Губский получил телеграмму от жены – выбралась из Германии, в Торнео теперь.

В «Русских Ведомостях» вчера собрание пайщиков установило, ввиду войны, сместить (из редакторов) Игнатова, а на его место – Мануйлова, а Игнатов должен был еще до 1 сентября быть редактором.

Цены начинают повышаться. (Ессентуки бутылка стоила 15 к., теперь 18).

Извозчики безумствуют.

28 июля

Коля говорит, что всех нелюбимых офицеров перетасовали, боятся за их сохранность. Звягинцев⁶³ сегодня сказал, что 120 городских учителей из 160 взяты в солдаты. Ученье, говорят, будет. Говорят (Волк⁶⁴), что немцы завлекли отряд наших в жестокое заграждение (ров с кольями и др.), тогда остальные наши пришли в ярость и перебили их полк. Вчера все австрийцы и немцы приглашались градоначальником явиться к воинскому начальнику в качестве военнопленных.

Два раза уже слышала о бабьих бунтах против вздорожания.⁶⁵ Один был у Сухаревой башни – видел Чилин швейцар – пятьдесят баб напали на телеги с картофелем и все опрокинули, п[отому] ч[то] цены поднялись с 60 копеек до 1 рубля 20 копеек за меру. Торговцы

ной думе (Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914–1918 гг. М., 2014. Т. 1. С. 39–40; Т. 3. С. 409).

⁶⁰ Об испытаниях для России император вскользь упомянул лишь в Манифесте об объявлении войны с Германией. В нем есть такая фраза: «В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага» (Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914–1918 гг. Т. 1. С. 71). В его других официальных выступлениях таких слов нет.

⁶¹ См. коммент. 12.

⁶² Сведения не соответствуют действительности.

⁶³ Евгений Николаевич Звягинцев – известный педагог.

⁶⁴ Волк-Карачевский Василий Васильевич – народный социалист.

⁶⁵ Рост цен на хлеб и другие продукты питания начался сразу с началом войны. Этот процесс был обусловлен следующими обстоятельствами: выросший объем бумажной денежной массы (с 1 июля 1914 г. по 1 января 1915 г. она составила 180 %), дезорганизация внутреннего рынка вследствие блокады балтийских и черноморских портов, беспорядочное регулирование рынка со стороны государственных структур. Особенно резкий скачок цен на хлеб произошел в Центральном промышленном районе России, что вызвало упомянутые социальные конфликты. См.: Тагирова Н. Ф. Хлебная торговля в России 1914–1917 гг.: коллизии рыночного и государственного регулирования // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: Сборник статей. М., 2014. С. 62–75.

перепугались и разбежались. Другой у Курского вокзала – Ольге говорила ее родственница – было то же самое.

Водка не продается, а вчера я видела совершенно пьяного солдата – вокруг толпа, городской нежно уговаривает его встать и идти, тот собрался с силами – встал, да как замахает руками, видно, воображая, что кругом враги, и тут же опять бухнулся, так его и оставили.⁶⁶ Видела еще двух пьяных мужиков, державшихся за нетвердо стоявшего на ногах солдата, очень хмурого, верно, от сознания своей вины.

Сегодня Живмерев⁶⁷ говорил, что масса призванных солдат гибнет под трамваями, на которых их возят даром. Они очень рискуют и попадают под вагоны, – случаи эти повторяются ежедневно.

У С. был Сватиков из-за границы. Говорил, что в Берлине виделся с Либкнехтом, который утверждал, что рабочие против войны. В пограничных местечках страшная паника, п[отому] ч[то] ждут вторжения русских, а у нас паника в Польше (в Германии уже б[ыли] плакаты о взятии Варшавы). Он везде всего добивался, хотя и с трудом; везде толпы. От Бреста везли окольным путем – Брянск, Орел, Елец, Москва – кажется, так.

Жена Губского вернулась через Швецию, лишений было много, но немцы не были грубы, а было противно, п[отому] ч[то] они относились с презрением и ни в чем не помогали. С Балтийского моря все едут со страшным трудом. От Коли письмо из Твери. Вчера звонила Прасковья Андреевна Генкина, спрашивала, как телеграфировать Эрисманам, п[отому] ч[то] ее сын Митя пропал в Лейпциге. Должен был выехать 17-го, и нет ни его, ни вестей, она думает, что из Швейцарии можно что-либо узнать.

Станный Василий Иванович Семевский – на С. запрос об изменении номера «Голоса минувшего», с тем, чтобы верстать туда статьи, близкие к переживаемому моменту, – он отвечает, что в августовской книжке ни в каком случае нельзя ничего менять, да ничего и нет – почта ходит (это к нему на дом), в Петербурге, где он провел 16 часов, все спокойно. Можно еще в сентябре в книжку что-нибудь вставить, и предлагает заказать статьи: одну в Италии Шредеру (который просит немедленно выслать деньги за предыдущую – очевидно, не подозревая, что и телеграммы-то пропадают, а денег и совсем не принимают), а вторую – в Австрии (!) какому-то его знакомому поляку – будет поляк писать! – и как Семевский ему предложит?

1 августа

Да, Сватиков еще говорил, что в Пруссии, ближе к границе, паника перед ожидаемыми казаками, а у нас – в Польше. Аня говорит, что у них некоторые крестьяне утверждают: «все француз портит, его надо усмирить», и никакие доводы не помогают, вот и говори, что «немец» – синоним «врага», а, может быть, это результат неподходящей клички, данной войне какой-то газетой: «вторая отечественная война».

Тихон Иван[ович] вчера вечером был и говорил, что, по его мнению, к ней у всех сосредоточенно-серьезное отношение. А мне все кажется, что народ очень против войны. Коля уже пишет из Бреста. Куда-то он попадет? Пожалуй, в самое пекло.

Говорят, что теперь план изменен, и не Ковно – Брест будут отстаиваться, а Варшава, п[отому] ч[то] бояться скверного впечатления от ее сдачи.

⁶⁶ В связи с началом войны правительство 16 сентября 1914 г. запретило продажу алкогольной продукции. Статистика показала снижение употребления алкоголя. Однако, помимо дневника Мельгуновой-Степановой, имеются свидетельства об отравлениях нелегально произведенным спиртом. См.: *Бельгард А. В. Воспоминания*. М., 2009. С. 563.

⁶⁷ Александр Иванович Живмерев – член «Задруги».

Тих[он] Ив[анович], со слов сына Мануйлова, говорит, что в «Русск[их] Ведомостях» прямо революция против Игнатова и Розенберга. Розенберг в заседании отказался от всякой редакторской работы, а Игнатов – еще неизвестно.

У Шубертов Мария Андреевна говорила, что пошла в один из частных лазаретов и вынесла очень тяжелые впечатления: дамы веселятся! Да и в попечительствах по-разному: у Чили работают вовсю, записывают и уже опрашивают жен взятых на войну, а в Пресненском – пришла Татьяна Архиповна Окулич, видит толпу женщин, осаждающих вход, а внутри сидит барышня, читает что-то и посылает им сказать, что через полчаса она будет их записывать. Когда Т. А. предложила свои услуги, то ответ был: «Да нет, зачем, дела нет!» – и все предложения разбивались, как о стену, так и ушла она, только адрес и записала. Тихон Иванович говорил, что В. А. Маклаков поехал к Кривошеину (теперь вершитель всего) и заявил ему, что теперь, когда царь переезжает в Москву, ей нельзя быть без городского головы, на что Кривошеин ответил: «Да, ваш брат задал нам задачу», потом дал понять, что теперь всякого утвердят, но что им приятнее всего Гучков. На частном совещании левые гласные вчера решительно высказались против Гучкова. Кн[язь] Г. Львов, как главноуполномоченный общеземских организаций, получил личную телеграмму от царя⁶⁸ – Маклаков, министр, опять обойден.

Сегодня у нас был Филатов, идет добровольцем на войну «для впечатлений». Много болтал. Говорил, что Петергоф не вырублен, а за 10 верст от него. Говорил, что разгром германского посольства был ужасен. 10-тысячная толпа по науськиванию «оратора» из «Вечернего Времени», вышедшего к ней, когда она громила какой-то магазин, бросилась туда и буквально все разнесла и на площади сожгла все вещи.⁶⁹ От 9 ч. вечера до 3 ч. ночи полиция отсутствовала, а тут только начала усмирять – теперь пойманных судят. Ренненкампф велел высечь и послать на передовые позиции солдата, который в трамвае говорил против войны и которого публика высадила. Приказ об этом опубликован. Это очень глупо.

У «Русского слова»⁷⁰ 600 тысяч подписчиков.

2 августа

Филатов говорил про разгром германского посольства в П[етер]б[урге], который сам видел. Громили колбасную, вышел кто-то из «Вечернего Времени» и сказал, что уже если громить, то громить посольство. Толпа в 10 тысяч двинулась туда, ворвалась и начала все выбрасывать из окон и все бить; там видны были и дамы, и студенты, громившие вместе с хулиганами, потом зажгли костер из вещей. Полиция явилась только в 3 ч. ночи, а погром начался в 9 ч. вечера. Про манифестацию он говорил, что сначала были одни хулиганы, потом к ним присоединились лавочники, прислуга и, наконец, рабочие. Симсон вчера говорил, что Ренненкампф велел в Вильно высечь одного солдата и послать его на передовые позиции за то, что он говорил в трамвае против войны. Приказ об этом там расклеен. Очень это плохая мера, чтобы не сказать больше.

Вернулся М. М. Шуберт, претерпел то же, что и жена Губского. Во Франции уверяли, что войны не будет. В Германии не было ничего особенного; по совету кого-то из посольства он взял билет на Эйткунен, взял, сел в вагон, едут, и вдруг оказываются в Торне, и здесь всех высаживают: «Идите, если хотите, но мы будем стрелять», потом: «Сейчас по станции начнут

⁶⁸ Телеграмма не обнаружена. (Примеч. ред.)

⁶⁹ «Вечернее время» – газета националистического толка, 1911–1917 гг. Издателем в 1911–1912 гг. был А. С. Суворин, затем газета стала называться товариществом «Новое время» (редактор – Б. А. Суворин, сын). По словам французского посла Мориса Палеолога, «чернь наводнила здание, била стекла, протыкала обои, выбросила в окно всю мебель, в том числе мрамор и бронзу эпохи Возрождения, которые составляли прелестную личную коллекцию Пурталеса» (Палеолог М. Дневник посла. М., 2003).

⁷⁰ «Русское слово» – ежедневная либеральная газета, 1895–1918 гг. С 1897 г. издавал И. Д. Сытин.

стрелять русские, но мы вас защитим», и ставят две пушки, оцепив всех солдатами. После долгих мытарств и переговоров повезли, набив битком и сказав, что везут в Берлин как военнопленных. В вагон поставили солдата, который, прицелившись, объявил: «Если пошевелитесь, буду стрелять», окна закрыли и везли сутки без еды и питья, только раз сжалились и дали ведро воды. Солдат лег спать, попросив разбудить его, когда придет лейтенант. Привезли к морю в маленький городок, загнали на площадь и в свинарник и стали втридорога продавать тухлую колбасу. Потом отделили мужчин от женщин, и повели «расстреливать», но только поугадили. Наконец, все были взяты шведским пароходом, и в Швеции были встречены очень тепло, их кормили и поили. Ехал он от Парижа 12 дней. От Стокгольма до Торнео три дня на пароходе, на палубе, п[отому] ч[то] все битком набито. Страшно удручен. От Торнео до Петербурга на площадке III класса. Вещи все ухнул вплоть до ручных. Отмечает трогательное братство всех (шталмейстер и еврей в лапсердаке держались как братья).

Была сегодня у швейцарского и французского консула для отправки писем своим. Первый сказал, что, может быть, на днях будет отправка (были уже две отправки и вторая, кажется, не пропущена через Турцию), и просил зайти дня через два-три. А французский говорит, что отправил массу, но не уверен, что их пропустят через Босфор. Посоветовал телеграфировать через Индию – попробую. А то ничего нет и телеграмм, после полученной 22-го, нет совсем. Есть надежда, что сообщение установится, п[отому] ч[то] сегодня в первый раз в «Русские Ведомости» пришли французские и бельгийские газеты.

3 августа

Сегодня у Надежды Федоровны видели старшего сына Александра Федоровича Грушецкого; его шлют на войну, он все спрашивал, каждого (по глупости): «Как ты думаешь, убьют меня или нет», – очевидно, боится. Рассказывал, как он ехал из Германии, тоже с мытарствами, сперва – на Торн, потом – в Штеттин, на Рюген и в Швецию – всего 12 дней. Вечером были у Губских. Она выглядит недурно, хотя проехала с муками 12 дней. Уже 12 июля слышала она в поезде разговор одного офицера с его отцом – отец ужасался войне, а офицер говорил: «Мы давно ее ждали, сегодня в ночь уж все должны быть на местах, теперь самый благоприятный момент – в России голод, холера, пожары, забастовки; во Франции – смены министров, полный развал и нет денег; Англия не страшна – ее флот далеко – это самый удобный момент». Губская после этого хотела моментально ехать, но знакомые ее уговорили остаться. Двинулись 18-го, дачные поезда прекращены были постепенно, по округам уже 18-го с 12 ч. дня. Ехала она часть пути на автомобиле. Настроение в их местечке характеризовал аптекарь, прощаясь с ними: «До свидания в Москве». В Берлине переехали с вокзала на вокзал. Она пошла в справочное бюро, п[отому] ч[то] кругом все говорили, что война объявлена, спросила, как лучше уехать, и в ответ получила: «Вот еще, станем мы вам помогать выезжать от нас!», – все это сопровождалось руганью. Билеты выдали. Поезд прямо осадили. В Торне им скомандовали: «heraus»,⁷¹ – и мигом потушили свет. Там уже была масса народу, некоторые сидели три дня; хлеба не давали, потом дали по крошке. Сидели долго. Им говорили, что русские их к себе не принимают, что путь сломан. Наконец загнали в 60 вагонов, главным образом IV класса, и повезли, чуть не сутки, в Штеттин, заявив, что они военнопленные и будут жить по отдаленным курортам. Дорогой воды не давали, пить тоже, но конвой был добрый, из поляков. Один из них хотел достать для ее девочки воды, но не успел и предложил кофе из своей фляжки, но это увидел офицер, разбил его и отослал; другой на остановке принес воды из канавы – и пили. Толпа везде была враждебна «Verfluchte Russen»⁷² и кулаки.

⁷¹ Вон (нем.) (Примеч. ред.)

⁷² Проклятые русские (нем.) (Примеч. ред.)

На Рюгене, когда их высадили, к ним подошли три офицера-шведа и заявили, что их возьмут на пароход, всех, кто хочет, остальные же будут военнопленными, п[отому] ч[то] это последний пароход. Толпа бросилась к нему, часть влезла; когда он отошел, паника охватила оставшихся, одна мать, дети которой попали на пароход, бросилась в воду... Потом за оставшимися пришел еще пароход. В Швеции были очень внимательны и любезны. Прислуга в отеле в Стокгольме отказалась от чаевых: «вам еще понадобятся». Везли через Торнео в ужасных условиях, но на душе было спокойно. В Финляндии чувствовалась враждебность, но молчаливая.⁷³ По ночам там поезд стоял; часто бывали крушения, но никто на это не обращал внимания. За все 12 дней М. А. раз обедала и раз спала в Стокгольме. В Швеции они встретили 10 поездов с уезжавшими из России немцами, которые поголовно хвалили отношение всех к себе. У Губских много говорили о воззвании Николая Николаевича к полякам,⁷⁴ теперь кадеты уже поверили и этому и очень ликуют. Вообще мы с С. совсем безнадежно смотрим на людей. «Речь» запретили, потом разрешили, и она разразилась такой верноподданнической статьей, что ужас; то же и с этим воззванием – кто ему поверит? – ведь не было его, пока поляки не были нужны! А все ликуют, и пресса особенно. «Русские ведомости» прямо тают. Австрия тоже поляков подкупает, обещает дать короля, пишут, что уже назначила его.

Встретили Никитиных – у нее очень-очень плохой вид – все следы переезда.

4 августа

Сегодня видела на заседании «Задруги» Л. С. Козловского – вчера вернулся из Галиции; Ф. ехал свободно через Австрию и Румынию. Выехал из Галиции накануне объявления войны Германией России. Говорит, что у Австрии совсем нет враждебного чувства к русским, только боятся шпионов и арестовывают подозрительных. В Галиции поляки враждебны к русским, а чехи выжидают, пока молчат и неохотно идут в солдаты, готовы восстать при первом же случае. В Румынии весь народ против Австрии. С. думает, что Козловский говорил о враждебности польской интеллигенции к русским, а не низших слоев. К[озловский] сам очень русофильски настроен и стоит за присоединение поляков к русским. Воззвание Ник[олая] Ник[олаевича], удручающее нас как фальшивое, привело его в умиление, а он и не знает, что Ник[олай] Ник[олаевич] выдавливает пальцами глаза у провинившихся охотничьих собак

⁷³ Высказанные предположения о враждебности части финского населения в целом соответствовали действительности. Доказательством тому может служить тот факт, что в организованное на территории Германии подразделение финляндских сепаратистов (в 1915 г.) – 27-й Королевский прусский егерский батальон – записалось 1897 человек. (Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 322).

⁷⁴ Воззвание было опубликовано в газете «Русские ведомости» от 2 августа 1914 г. (С. 2): «Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее, она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его со всей Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром воссоединится Польша, свободная в своей вере, языке, самоуправлении. Одного ждет от вас Россия – такого же уважения к правам тех национальностей, с которыми связала нас история. С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет к вам великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде. От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати. Заря новой жизни занимается для вас. Да воссияет в этой заре знамение Креста – символа страдания и воскресения народа. Верховный главнокомандующий, генерал-адъютант Николай. 1 августа 1914 г.» (см. также: Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914–1918 гг. М., 2014. Т. 1. С. 103). Не исключено, что публикация воззвания стала реакцией на статью «Нужда не знает принципов» главного редактора германской газеты «Мир в понедельник» («Die Welt am Montag») Хельмута фон Герлаха. Журналист считал, что из всех противников Германии Россия является самым хрупким государством. Жестокое самодержавие повсюду создало, по мнению автора, врагов, а «враги наших врагов есть наши друзья». К таковым он относил поляков, финнов, украинцев и мусульман. При этом первых Герлах считал самыми способными по организации беспорядков. Эта публикация вызвала общественный резонанс (Новикова И. Н. Указ. соч. С. 295).

(гов[орил] Г. Е. Львов, его сосед по имению).⁷⁵ Козловский пишет лирическую статью о поляках в «Русские ведомости».

Сегодня приезд царя в Москву. «Русские Ведомости» объединили царя с народом, а «Русское слово» закончило статью «царь-обновитель».⁷⁶

По-моему, там стояли в два ряда солдаты с ружьями, и было порядочно конной и пешей полиции, народ занимал тротуары, а Волк-Карачевский говорит, что полиции не было. Царь (гов[орят] Коля и Аня) был бледен (белый) как скатерть.⁷⁷

6 августа

Козловский вчера рассказывал, что пошел из «Задруги» в «Рус[ские] Ведом[ости]» взять свою лирическую статью обратно под влиянием моих слов о том, что все эти обещания вздор. Там ему вдруг говорят, что всех редакторов вызвали к градоначальнику, и там Белгард сказал им, что они совершенно напрасно так пишут об обещаниях Польше, что будет дано *только земство*. Тогда они спросили, можем ли это разъяснить? – Нет, это не для разъяснения, а им, редакторам, в назидание.

Приходят письма из-за границы, из Италии, вскрытые военной цензурой, она же требует подписи фамилии на телеграммах. Я послала, ответ получила 4-го – телеграмма шла шесть дней. Была у швейцарского консула, он говорит, что был у почт-директора, и тот сказал ему, что через Швецию, Норвегию и Англию сношения восстановлены. Оставила у него письмо для отправки, если кто-то поедет.

Аня вчера интересно рассказывала о подруге Марии Андреевны – ехала всего 18 дней через Германию из Парижа; интересно то, что ехала она отдельно от партий; ехало их всего шесть человек. Массу видели интересного. Солдаты разговаривали с ними и говорили, что они не хотят войны, а что ее хотят офицеры. У них она видела положительно поразительную посадку на поезда: солдат являлся на станцию с карточкой, что у нее обозначен номер перрона, вагона и места в нем – приходят и прямо садятся. Михаилу Михайловичу солдат-немец штыком провел по шее, проткнув висевший на спине пакет. М. М. до сих пор в ужасном состоянии. Знакомая Лидии Андреевны видела в толпе таких русских, как одна женщина с ребенком нечаянно толкнула немецкого офицера, он выхватил ребенка и бросил под ноги толпы. Тихон Иванович возмущен передовицей в «Русских Ведомостях» по поводу выезда царя, – а редактор Мануйлов.

Некрасов пригласил С. редактировать еженедельный⁷⁸ военный журнал, т. е. журнал о войне. Абрам Соломонович⁷⁹ сообщил сегодня сведения из петербургского штаба Ник[олая] Ник[олаевича], что Франция умоляет о помощи, п[отому] ч[то] Германия и Австрия двинули на нее подавляющую массу войск, а мы можем двинуться в Галицию только через десять дней (подвоз к границе по 30 тысяч человек в день).⁸⁰ Сейчас там меньше миллиона. План Виль-

⁷⁵ Сведения князя Г. Е. Львова не соответствуют действительности.

⁷⁶ Приезд императора Николая II в Москву 4–9 августа 1914 г. широко освещался в прессе. В «Русских ведомостях» (1914. 5 авг. С. 2) была опубликована речь и. д. городского головы В. Д. Брянского, которая начиналась такими словами: «Ваше Императорское Величество! По Промыслу Всевышнего России ниспосланы великие испытания. Но никакие испытания для русского народа не страшны. История русского народа свидетельствует, что народ в единении со своим Царем выходит из испытаний только с обновленными силами».

⁷⁷ Император пишет о своем визите в Москву: «В 2 ч. прибыли в первопрес. Поч. кар. от Александровского военного училища. На Тверской – масса народа и войск шпалерами; запасные батальоны и несколько второочередных дивизий. Помолвившись у Иверской, приехали в Кремль и поместились в старых комнатах. Пили чай и обедали с Эллой. Писал телеграммы». (Дневники императора Николая II. М., 2013. Т. 2, ч. 2. С. 50–51). Никаких данных о его плохом самочувствии не обнаружено.

⁷⁸ Слово исправлено. Ранее было: *ежедневный*. (Примеч. ред.)

⁷⁹ Д-р Залманов, состоявший затем при большевиках.

⁸⁰ В дневнике французского посла Мориса Палеолога от 5 августа есть такая запись о своем визите к императору: «Фран-

гельма П ясен: сперва Франция, потом Россия,⁸¹ а мы будем брать только измором и временем; полагают, что война на восемь месяцев. Характерная черта: вел[икого] кн[язя] Павла и его полк лишили амуниции – не хватает для отправляемых. День нам стоит 35 миллионов рублей! Ник[олай] Ник[олаевич] просил царя об амнистии, но ничего не добился. У нас ввели таксу на съестное, и потому Белов перестал продавать ветчину, а Елисеев вешает с кожей (дешевле их обычной цены).⁸² Говорят, царь едет в армию. Козловский видел поляков из Калиша и Ченстохова, – описывают зверские насилия при занятии, особенно Ченстохова.

8 августа

А. А. Титов представлялся царю, съездил его встречать и т. д. (нар[одный] соц[иалист]). Он чрезвычайно патриотичен.

6-го вечером прямо сердился за пессимистические взгляды С. С. отказался от ведения Некрасовского журнала, слишком строга стала военная цензура, чтобы можно было сделать то, что хочется; если пойти против «бряцания и единения» и постараться дать передовой взгляд на войну, наверное, закроют, а Некрасову хочется наживаться. Сегодня С. был на заседании по поводу открытия народной газеты. Денег нет, хотя тоже против шовинизма – вряд ли что выйдет. А сотрудники «Русских Ведомостей» организуют еженедельный журнал, С. звали сотрудники, но и Абрам (Залманов) хочет туда вступить.

Тих[он] Ив[анович] в земской организации с головой. Сперва на них возложили только эвакуацию от Москвы, теперь и 2-й пояс эвакуации (после полевого) переходит к ним, а денег нет. Они думают, что потом им передадут все. Надо устраивать госпитали в земствах по карте, размеченной военным ведомством.⁸³ Они собрали 6 миллионов, а им надо 100 м[иллионов]. Львов говорил об этом с царем, он все одобрил, но денег пока не дали, как дальше, не знаю.⁸⁴ Полнер с комиссией изобрели койки, чтобы раненых не трясло; сегодня, очевидно, поехали испытать⁸⁵ их.

цузской армии придется выдержать ужасающий натиск двадцати пяти германских корпусов. Потому я умоляю Ваше Величество предписать вашим войскам немедленное наступление – иначе французская армия рискует быть раздавленной, и тогда вся масса германцев обратится против России» (*Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003). Во Франции контрнаступление против германских войск действительно тесно связывали с операцией в Пруссии. О желательном нанесении удара русскими войсками по направлению Варшава – Познань просил также военного агента в Париже полковника А. А. Игнатьева французский военный министр А. Миссими. Ставка Верховного главнокомандующего генерала от кавалерии великого князя Николая Николаевича стремилась выполнить союзнические обязательства перед Антантой, прежде всего перед Францией. Согласно Высочайшим указаниям от 1 мая 1912 г., в случае войны предусматривалось два плана развертывания вооруженных сил: 1) для направления большей части наших сил против Австро-Венгрии (план А); 2) против Германии (план Г). Так возник план наступательной операции в Восточной Пруссии, несмотря на то что российская армия еще не была готова вести наступательные операции. В письме начальника штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевича на имя главнокомандующего Я. Г. Жилинского от 28 июля 1914 г. говорилось: «Принимая во внимание, что война Германией была объявлена сначала нам и что Франция как союзница наша считала своим долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно необходимо и нам, в силу тех же союзнических обязательств, поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев» (*Мировые войны XX века. 2-е изд. М., 2005. Кн. 2: Первая мировая война. С. 160–164*).

⁸¹ План поочередного молниеносного удара Франции и России был разработан генерал-фельдмаршалом графом А. фон Шлиффеном. См.: *Мировые войны XX века. Кн. 2. С. 138–140*.

⁸² В дневнике, вероятно, ошибка. В магазине купца 2-й гильдии П. Г. Белова продавали изделия из кожи, главным образом обувь, а не ветчину. Он располагался на улице Остоженка (дом № 6) – напротив редакции «Русских ведомостей» (дом № 7). В 1901 г. состоялось торжественное открытие «Магазина Елисеева и погреба русских и иностранных вин». Магазин располагался в здании на Тверской улице, построенном в XVIII в. по проекту архитектора М. Ф. Казакова. Его владельцем был крупный предприниматель, глава Торгового дома «Братья Елисеевы» Г. Г. Елисеев (1864–1949), владевшие также крупными продовольственными магазинами и предприятиями в Петербурге.

⁸³ Карты сохранились в коллекции документов Царскосельского дворца: ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 446. Л. 12, 13.

⁸⁴ Всероссийский земский союз, согласно отчету Верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского за период с 3 сентября 1914 по 3 сентября 1915 г., получил из казны 90 947 553 руб., причем весь размер оказываемой организацией помощи составил 110 886 руб. (ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 447, т. 1. Л. 6 об.).

⁸⁵ Слово вписано над зачеркнутым: *осматривать*. (Примеч. ред.)

Татьяна Архиповна Окулич говорила про сельского учителя, никогда не служившего, взяли его – амуниции нет, не учат, а уговаривают сдать экзамен на офицера – не хватает 25 000 офицеров.

Настроение удручается постепенно. У нас с С. совсем плохое и мало надежд – во всех случаях будет плохо. Но еще «бряцание» сильно. Шаховской, например, за полное объединение всех, и многие верят, как ни странно, не верят только радикалы. Пешехонов написал, что, лишившись имущества, люди привыкнут к социалистическому строю, а «Новое Время» подхватило и говорит: «Почему же не привыкнуть к осадному положению?»

10 августа

У Тихона Иван[овича] все еще не выяснен вопрос о деньгах для эвакуации. Но их дорожные койки оказались очень хороши⁸⁶ – они сами на испытании ездили в них до Подольска. Тихон Иванович очень хорошо дома у нас на заставе отвечал на патриотическое «бряцание» Титова: «Все плохо, – если нас побьют, то немцы нам себя покажут, а если мы побьем, то нас придавит правительство». А Титов-то, так Сергею сказал Князев, был на встрече царя, – прямо опозорился совсем, ему даже неловко стало, он почувствовал, что у нас пересоллил с «Гром победы раздавайся» и на другой день звонил Сереже и, конечно, говорил, что его уже очень огорчили С. минорные сообщения. Князев тоже говорит, что надо действовать для охлаждения «единения царя с народом», но как? Собрание левых, главным образом кооператоров, на котором был С., хочет тоже издавать газету, для выяснения, но денег наверняка не будет; да и закроют. А сотрудники «Русских Ведомостей» хотят издание еженедельное, – не знаю, выйдет ли что-нибудь. Вчера звонил Михаил Семенович Генкин, что Михайлов с Аркадакским и еще трое выехали через Италию в Россию. Думаю и надеюсь, что наши не поехали. Звонила Орлова, ее beau frère⁸⁷ взят, и опять та же путаница – не инженер и не сапер, он взят в саперы; все время пугают – это плохой знак. А амуниции совсем не хватает. Был Обнинский, ждет разрешения ехать корреспондентом в штаб Иванова от «Русского Слова». Уже и шестерым разрешено. Он будет получать за первые два месяца по 3000 руб., потом за остальные по 2500 р. и по 30 к. за строку. А «Русские Ведомости» даже не ответили на его предложение быть их корреспондентом. Он настроен оптимистично. Говорит, что так и было решено соглашениями, что каждая страна отбивается за себя, а мы двинемся, когда выровняем линию по всей границе, что и делаем, причем, будто бы, для нас условия блестящи. Не знаю, в чем? Иванов имеет, по его словам, полномочия вторгнуться в Галицию и идти на Силезию, если Румыния не вяжется. Был у С. Игнатов, С. сказал ему, что находит, что «Русские Ведомости» не очень-то хорошо поступили, вдавшись в «бряцание», он был, наверное, рад, п[отому] ч[то] заявил, что этого больше не будет, что это недопустимо. Вечером я была у Шубертов. Мария Андреевна увлечена госпиталем, это для нее, очевидно, забава, страшно озабочена вышиванием ручной перевязи, шитьем на фартуках и т. д. ! – и боится, что привезут действительных раненых. Аня смотрит очень пессимистично, вроде нас, и не знает, что делать. Я предложила свои услуги Тихону Ивановичу, но пока, очевидно, не надо, – он молчит. А раненых и больных начинают везти. Самсоновы выбрались очень удачно, миновав Берлин, прямо на Гамбург, там никаких эксцессов не было; было всего шесть русских; они уже вне Германии и попали в желдор и проехали 16 дней. Никто из приезжающих не рассказывает ничего подобного тем фантастическим зверствам, которые описывает Немирович-Данченко, – насмешки, грубость – это⁸⁸ все.⁸⁹ Зна-

⁸⁶ Слово вписано над зачеркнутым: *практичны*. (Примеч. ред.)

⁸⁷ Это слово может означать нескольких родственников: зять или деверь, или шурин, или свояк (*фр.*). (Примеч. ред.)

⁸⁸ Слово *это* вписано над зачеркнутым: *вот и*. (Примеч. ред.)

⁸⁹ Автор дневников ошибочно полагает, что со стороны германской армии и оккупационных властей не было нарушений

комая Басаниных, Лаврова, говорила, что в их поезде двое сошли с ума и один умер. Теперь все говорят и говорят.

12 августа

Сняты с репертуара Вагнер и все немецкие пьесы⁹⁰ – вот глупость-то! Ольга Ивановна приезжала на несколько дней и говорила, что настроение в деревне самое удрученное – все считают, что нас бьют, что никто с войны не вернется, что крови будет столько, что «теленки утонут»; бабы упорно говорят, что убьют трех царей, и тогда Бог выпустит Антихриста, который у него заперт; и Антихрист даст хорошую жизнь мужикам, когда же Бог это заметит, то запрет его опять! Ей говорила кузина, что масса баб приходит к Бобринскому и просит взять их на черные работы на войну – пока их записывают. Вчера от Сони Петерсен узнала, что убит младший брат Сони Колокольцовой, убит в деле под Гумбином,⁹¹ при очень диких условиях: конно-гвардейский отборный полк пустили в атаку брать пушки на открытом 6-верстном расстоянии, т[ак] ч[то] их прямо косили из этих пушек, почти все легли, взяв 12 пушек. Это прием Ренненкампа. Говорят, что его смещают по донесению полкового командира о зряшном загублении полка и по жалобам высокопоставленных лиц, дети которых при этом убиты.⁹² Полк этот был украшением армии. Очевидно, французы терпят поражения, это чувствуется в неопределенности сообщений.⁹³

Аня прямо возмущена Nicolas, который вопит о необходимости уничтожения всей германской науки, литературы, о непрередавании немецкого языка в училищах. Мишель (М. И. Штуцер) взят в артиллерию на передовые позиции военным врачом. Взят Борис Михайлович Селицкий... Наконец-то открытка от своих, шла с 22 июля до 12 августа. Неужели они пойдут в эту кашу, только бы не ехали. И еще этот страх голода в Цюрихе!

правил ведения войны, жестокостей и зверств. Помимо упомянутого в дневнике частного свидетельства есть, например, объективные статистические данные о бомбежах санитарных поездов, вследствие чего пострадало 142 человека. Столь же бесчеловечными были условия плена в Германии и Австро-Венгрии, где часто практиковали расстрелы перед фронтом, мучили голодом и пр. (Отчет верховного начальника санитарной и эвакуационной части за время с 3 сентября 1914 г. по 3 сентября 1915 г., 3 октября 1915 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 447, т. 1. Л. 12 об.; Керсновский А. А. История русской армии. М., 1994. Т. IV. С. 169–170).

⁹⁰ Слово *пьесы* вписано над зачеркнутым: *оперы*. (Примеч. ред.)

⁹¹ Сражение в районе г. Гумбинен стало первым на восточном фронте Первой мировой войны в ходе Восточно-Прусской операции (4(17).08.–2(15).09.1914). Основная задача, которую ставило командование перед русскими войсками в Восточной Пруссии, – разгром 8-й германской армии (командующий – генерал-полковник М. фон Притвиц), насчитывающей 15 пехотных и одну кавалерийскую дивизии, 1044 орудия, 56 самолетов, два дирижабля. Ему противостояли 1-я и 2-я армии и конный корпус генерала хана Нахичеванского, со 1104 орудиями, 54 самолетами. 7(20) августа на фронте Гумбинен – Гольдап между главными силами 1-й русской армии (63 800 штыков, 408 орудий, 252 пулемета; командующий – генерал П. К. Ренненкампф) и германской (74 400 штыков, 452 орудия, 224 пулемета) произошло встречное сражение, в результате которого Притвиц приказал отступить в центральные районы Пруссии, за левобережье Вислы. См.: Олейников А. В. Театры военных действий русской императорской армии в кампании 1914 г. в оперативно-тактическом контексте // Исторический вестник. 2014. Т. 8 [155]. С. 50–67.

⁹² В заключениях комиссии по рассмотрению обстоятельства «дела Ренненкампа», созданной по приказу Главнокомандующего фронта генерала Н. В. Рузского, было, в частности, отмечено: «Механизм управления армией из-за ненормального отношения к своему собственному штабу оказался не налаженным. Работа штаба была слишком нервная. Приказы выходили не соображенными с обстановкой». И далее: «Отношение генерал-адъютанта Ренненкампа к командирам корпусов и другим генералам было некорректное, иногда оскорбительное». (Цит. по: Золотарев В. А. Уроки прибалтийской драмы // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 573, 574). См. также: Доклад генерал-адъютанта Баранова императору Николаю II по делу генерала Ренненкампа, 1915 г. // ГА РФ. Ф. 6230. Оп. 1. Д. 21 б. Л. 1–62.

⁹³ Речь идет о поражениях англо-французских войск в ходе так называемого пограничного сражения, начавшегося 7 августа 1914 г. После захвата германскими войсками Бельгии французское командование было вынуждено стремительно перемещать армии из Эльзаса. В результате к моменту соприкосновения с германскими войсками их фронт находился в беспорядке. Британский экспедиционный корпус, 3-я, 4-я и 5-я французские армии, рассредоточенные в разных провинциях, потерпели поражение. Германские войска начали стремительно продвигаться к Парижу.

14 августа

М[ои] едут – телеграмма из Одессы! Уже поскорей бы!

Воззвание градоначальника об устройстве частных лазаретов. Места не хватает. Раненых масса. Живмерев говорил, что стоят в вагонах с 1 часа ночи до 8 ч. утра, ожидая разгрузки.

15 августа

Семевский на все согласился относительно отклика журнала на войну, может быть, потому что побывал в Петербурге, повидал всех, услышал о военной цензуре и проехал назад дорогу стоя – это тоже существенно.

Кончают свое существование «Задруга» и «Современный мир». Кузина Ольги Ивановны говорила, что Львов в диком восторге от царя после того, как он его поцеловал. Шуберты устраивают лазарет в пустой квартире на 30 кроватей. Сидоров (Н. П.) молчит, совсем солидарен с С. А Житков правее, п[отому] ч[то] царь будто бы сказал, что счастлив войной, п[отому] ч[то] она обновит Россию. Сидоров говорит, что «Земщина» восхваляет Вильгельма – настоящего державного вождя, соединяющего самодержавные принципы с умом и талантом. Кто наши союзники – «Франция и Англия».

17 августа

Вчера вечером Шаховской говорил С., что почт-директор сказал Львову, что Кёнигсберг взят русскими при содействии английской эскадры.⁹⁴ Еще слух, что Львов взят, у нас вчера завтракал Каррик, говорил, что в Самарской губернии были единичные случаи протеста против набора, но потом шли все, а в Астраханской бабы собрались перед домом губернатора и просили сказать им о пособии; одна ударила городского, были вызваны войска и дали залп – результатов он не знает. На воззвание градоначальника о даче помещений под раненых, оказывается, масса предложений *платных*

---

⁹⁴ Слухи не соответствуют действительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.